

Карьера Олега Меньшикова со стороны выглядит весьма внушительно: безумная популярность на Родине, работа за границей, всевозможные престижные премии. На самом деле не все в его судьбе складывалось гладко. Он мог бы сыграть больше, но слишком разборчив в выборе режиссеров и ролей. Сменив несколько театров, он наконец-то создал "Театральное товарищество 814". Здесь он сам себе режиссер, худрук и актер. Ему всегда было сложно делать то, что не по душе. Никаких споров или громких выяснений отношений, он не станет хлопать дверью, просто плотно закроет ее за собой.

В театрално-киношной тусовке Москвы Меньшиков держится особняком. Все попытки проникнуть на его территорию почти всегда заканчиваются провалом. Хотя, наверное, именно в обособленности и кроется секрет его обаяния. А еще в белозубой открытой улыбке, которая внешне делает его открытым, но ровно на столько, на сколько он того хочет. Он фантастически обаятелен и очень мил, его умение держаться, одеваться и говорить очаруют вас, но вы никогда не узнаете, что на самом деле у него на уме, и все ваши попытки взять этот таинственный остров штурмом разобьются о невидимую стену его неприкосновенности.

ОЛЕГ МЕНЬШИКОВ:

«Я МОГУ НАЗВАТЬ СЕБЯ УСПЕШНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

— Можете ли вы сказать, что в вашей жизни происходит все так, как вам хочется?

— Так может утверждать либо абсолютно счастливый человек, либо дурак. Я могу сказать только одно: в моей жизни, слава богу, не происходит того, чего мне не хочется.

— Какие человеческие качества влияют на актерскую профессию?

— Станиславский сказал, что ничего большего Бог не может дать артисту, чем сценическое обаяние. Наверное, это не качество, это дар, но проблема заключается в том, чтобы попытаться сохранить его. На актерскую профессию влияют также терпение, ум. И если все это объединить — сценическое обаяние, терпение и ум, — то мы получим то, что называем актерским талантом. Важно еще не растратить его. Поэтому, мне кажется, нужно следовать совету Михаила Чехова, который говорил, что должное существование в жизни обеспечивает артисту должное проживание на сцене.

— У вас уже с юности возникло убеждение в том, что вы актер?

— Ничто меня в этом не убеждало. И сейчас у меня мало доказательств этому. Просто я увидел среду, или нафантазировал для себя среду, в которой я смогу задавать вопросы и получать на них ответы. Потратить какой-то промежуток жизни для того, чтобы разобраться с собой. Всего лишь. Но это не так мало.

— Что такое в вашем понимании откровенность в актерской игре?

— Если есть смысл в актерской профессии, то он заключается только в этом. Но откровенность у нас, мне так кажется, сейчас заменяется разгильдяйской, безответственной свободой, которая никакого отношения к откровенности не имеет. Потому что за подлинной откровенностью следует откровение. У меня были такие счастливые секунды. Три раза я испытывал актерское счастье на сцене, когда время как будто останавливается, и в тебя входит такое количество информации, которое, наверное, ты не мог бы получить годами. Я не знаю, испытывал ли в эти мгновения нечто подобное зрительный зал, но я испытывал.

— Что вам неприятно в людях, и чего вы избегаете во взаимоотношениях?

— Что неприятно, того и избегаю. Мне не нравится фамильярность, невежливость, чувство собственного достоинства и отсутствие снисходительности.

— А что вы больше всего цените?

— Честь, юмор и умение слышать.

— Какими качествами должен обладать человек, чтобы вы ему доверяли?

— Да какими угодно, главное, чтобы я этого человека полюбил.

— Было ли какое-то событие в вашей жизни, которое вас потрясло?

— Сложный вопрос. Потрясло — это значит повлияло на линию жизни, изменило какие-то координаты. Такого не было.

— Как вы относитесь к политике и к политикам?

— Как же я к

ним отношусь? Собственно, я никогда не выработывал к ним никакого отношения, потому что как-то смешно тратить на это время. Это неправильно, что в нашей стране выработали отношение к политикам как к небожителям. Почему-то мы все время думаем (и им это очень нравится), что они на что-то влияют, что-то могут изменить в нашей жизни, могут повлиять на нее. Конечно, это чушь полная. Они призваны и должны существовать лишь для того, чтобы организовать нам достойное существование, достойную жизнь. Все. Больше ни для чего.

— Какой период жизни вам кажется наиболее продуктивным — молодость или зрелость?

— Для меня, конечно, зрелость. Для кого-то — молодость, в молодости можно больше успеть, больше схватить. У меня такой задачи не было. В молодости много ветра с пылью, такого ненужного ветра. А вот когда уже все чуть-чуть поспокойнее, как-то и мысли другие рождаются, и отношения какие-то правильные выстраиваются. Если меня спросить, куда я хочу вернуться, отвечу не задумываясь: лет на пять назад, ни в коем случае не больше.

— Кто из современных актеров вам интересен?

— Мне безумно нравится Шон Пенн, мне нравится Чулпан Хама-

това. В последние годы, безусловно, Женя Миронов. Мне всегда нравился Ди Каприо, и я вообще считаю, что у него еще будут открытия. Бьорк... Трудно всех перечислить.

— Можете ли вы назвать себя успешным человеком?

— Да, конечно, могу.

— Портит ли успех характер?

— Настоящий успех настоящий характер испортить не может.

— Стали ли вы хуже как человек, когда стали звездой?

— Не мне судить. Но Чаплин сказал замечательную фразу: "Только известность помогла мне стать хорошим человеком". Я несколько не соотношу себя с гениальным Чаплином, но мне очень нравится эта фраза.

— Что может удержать человека от нравственного падения?

— Что? Ум.

— Какой характер ролей, на ваш взгляд, наиболее соответствует вашей индивидуальности?

— У меня в театре есть не много ролей, которые я любил, однако самой любимой была и остается роль Калигулы в спектакле Петра Наумовича Фоменко. Но такие встречи, как эта, к сожалению, нечасто происходят в жизни.

— Вы пессимист или оптимист?

— Жизнь гораздо богаче. Она не сводится ни к пессимизму, ни к оптимизму.

— Можете ли вы назвать себя легким человеком?

— Я-то могу. Вопрос в том, могут ли меня таковым назвать окружающие.

— Есть ли в вашей жизни то, что вы еще не сумели реализовать?

— Многое. Я бы хотел снять фильм, заняться фотографией.

— Считаете ли вы современную жизнь безнравственной или она такая как всегда?

— Она безнравственна и она такая как всегда.

— Существуют ли для вас нравственные запреты в достижении цели?

— Безусловно.

— Есть ли вещи, которые вы не могли бы простить?

— Нет.

— Являются ли ваши родители образцом для вас в вашей собственной жизни?

— У них другие задачи, у родителей. Они проводники, они дают нам жизнь, и мы должны их почитать.

— Как вы относитесь к деньгам?

— Как к испытанию.

— Что вы цените в женщинах?

— Я ценю в женщине верность, умение понять, что кто-то нуждается в ее помощи, жертвенность.

— Вы создали свое "Товарищество", заняли независимую позицию в театре, существуете сами по себе. Вы не хотели бы пойти в обычный театр, где есть постоянный коллектив?

— Видимо, уже не получится. Может быть, когда-то судьба заставит. Но так, сознательно и с охотой, я, конечно, уже не пойду.

Потому что "театр-дом" — вот это все для меня уже неактуально. Я не очень верю в такое существование и считаю его в некоторой степени даже губительным. Но если меня все-таки спросят, в каком театре вы хотите работать, я скажу. Я бы хотел работать в БДТ у Товстоногова лет тридцать назад. Я думаю, что это был тот театр, о котором можно говорить серьезно. И фигура Товстоногова меня притягивает.

— Вы работаете мучительно или легко?

— Вы знаете, для того чтобы было легко, должно быть мучительно. Легкость появляется после бессонных ночей и постоянного ежедневного нещажения себя, не знаю, как еще это выразить.

— А в чем, как вы думаете, выражается класс хорошего артиста?

— Когда я в первый раз увидел на сцене Пола Скофилда, у меня поначалу был профессиональный шок. Потому что я шел смотреть великого артиста и в моей голове рождались фантазии. Я воображал, как меня этот артист потрясет. Но вышел человек, который за вечер ни разу не повысил голоса; я не увидел у него ни отчаянных слез, ни отчаянного смеха, ничего чрезмерного. И сначала даже подумал, что меня обманывают. Так не может быть! А в чем же величие этого артиста? К концу спектакля я понял, что это и есть величие. До него допрыгнуть очень и очень тяжело и, наверное, практически даже невозможно. Я считаю, что хороший актер должен играть не в полную силу, он что-то оставляет в себе и создает ощущение недоговоренности. У Пола Скофилда я увидел только верхушку айсберга. Три сантиметра. Но внутри было такое, такая мощь... Вот класс хорошего артиста.

— А вам свойственны сомнения в своей работе?

— Конечно. Я не думаю, что есть люди, которым они не свойственны. А если такие есть, то их можно только пожалеть.